

УРАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ

УРАЛЬСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

ОРГАН КРАЕВЕДЧЕСКОЙ И
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-
СКОЙ РАБОТЫ УРАЛА

II

1928

БИБЛИОТЕКА
Объ-Тавоеского студента
Сибирь-бюро-архив
г. Ханты-Мансийск

В ДАР КЧ 4597

ИЗДАНИЕ
УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ
СВЕРДЛОВСК

Био-на Рыбохоз. станции
Мин. № 200

200

Культурное наследие Сургутской политической ссылки.

(К столетию смерти декабриста А. И. Шакирева).

В мае нынешнего года исполнилось 100 лет со дня смерти в далекой сургутской ссылке А. И. Шакирева, первого из декабристов, сосланных в Тобольский край вообще. Принадлежа к обществу «Соединенных славян», он был осужден на вечное поселение, замещенное вскоре ссылкой на 20 лет, и для отбытия наказания был водворен в г. Сургут.

Произошло это осенью 1826 года, и с этого момента ведет свое начало вековая история сургутской политической ссылки.

Сургут не напрасно был избран местом изгнания. Не только 100 лет тому назад, но и теперь Сургутский край представляет собою наиболее захолустную часть Тобольского севера. Если в далеком Обдорске давно уже поднимаются в небо высокие мачты радиостанции, если в Самарове, Березове и Обдорске электричество делает первые успехи в борьбе с долгой приполярной ночью, то на весь Сургутский кр. до сих пор нет ни одной радиустановки, ни одной электрической лампочки. Только еще более глухая «Копда» может поспорить с Сургутом по части отсталости и дикости своей примитивной «культуры». Два раза в год, в весеннюю и осеннюю распутицы, Сургутский край надолго бывает отрезанным от культурного мира.

И в этот-то воистину «тихий край» царское правительство прятало своих покоренных политических противников. Сто лет, но с большими перерывами, Сургут служил тюрьмою без решеток для ряда поколений революционной России. Декабристы, поляки, народники, народовольцы, с.-р., с.-д., анархисты, — все побывали тут. Их пребывание не могло не оставить следа, и настоящий краткий очерк ставит себе задачей подвести итоги культурному влиянию сургутской политической ссылки за 100 лет ее существования.

Достоверными сведениями о влиянии политических ссыльных сургутов на местное население и об их попытках изучить местный край мы обладаем только для народнического периода и последующих десятилетий. Что касается декабристов (Шакирева и Тизенгаузена) и поляков-повстанцев (60-е г.), то об их жизни в Сургуте вообще известно очень немного и совершенно ничего неизвестно о характере их влияния на местное население.

Другое дело народнический период сургутской ссылки. Он длился около 20 лет (1877—1895 г. г.), и за этот промежуток времени Сургут был свидетелем пребывания в нем ряда выдающихся людей, оставивших после себя весьма заметный культурный след.

В первую очередь надлежит отметить услуги, оказанные ссыльными делу познания Сургутского края. До появления в Сургуте ссыльных «семидесятников» не существовало вовсе работы, посвященной всестороннему описанию этого «края болот, лесов и озер». Работы Хондажевского и других авторов затрагивали лишь отдельные районы обширного Сургутского края, или отдельные стороны быта населяющих его народностей. Только в 1888 году появилась книга, представляющая собою первую попытку подробного и притом популярного описания Сургутского края. Эта книга («Очерки Сургутского края», вошедшие в X выпуск «Записок Зап.-Сиб. Отдела Географ. Об-ва») принадлежит перу одного из пионеров сургутской политической ссылки 70—80 годов — Сергея Порф. Швецова. И позднее С. П. Швецов не один раз возвращался к «сургутским» темам в своих многочисленных очерках, статьях и заметках. То или иное упоминание о Сургутском крае встречается в следующих работах С. П. Швецова: «Рыболовные артели Тобольской губернии», «Лесные артели Тобольской губернии» (обе работы появились в начале 90-х г. г. в изданиях Юридического О-ва при Московском университете), «Шк. Як. Фалин» (№ 3 журнала «Каторга и ссылка» за 1925 год) и, наконец, биографии декабристов Шакирева и Тизенгаузена написанные для Энциклопедического Словаря.

Из других краеведческих работ, написанных бывшими политическими ссыльными следует упомянуть об очерке И. Я. Неклепаева «Поверья и обычаи Оургутского края», также напечатанной в «Записках Зап.-Сиб. Отдела Геогр. О-ва». Перу того же автора отбывавшего в сургуте ссылку в 80-х гг. принадлежит ряд более мелких статей, очерков и корреспонденций («Самедская ярмарка в Сургуте» и др.), появлявшихся в различных периодических изданиях Сибири.

Но литературными работами не ограничивался вклад политических ссыльных в дело местного края.

Метеорологические наблюдения в Сургуте стали возможны только с того момента, когда за это дело взялись политические ссыльные. В начале 80-х годов сургутская метеорологическая станция, снабженная всеми необходимыми инструментами, бездействовала до тех пор, пока заведывание ею не взял на себя Лев Андреевич Иванов, осужденный в 1877 г. по процессу «50» и попавший в Сургут на вечное поселение.

Нельзя обойти молчанием и еще одну краеведческую работу, сделанную группой политических ссыльных в середине 80-х годов. Мы имеем в виду раскопки старинного «Городища» на Барцевой горе, возле Сургута. В результате продолжительных усилий были извлечены из городища многочисленные вазы, оружие, скелеты и другие предметы, поступившие затем в распоряжение одного из центральных музеев. В этих работах приняли участие В. Я. Мрачковский, Н. Л. Зотов, В. Ф. Казакевич и другие ссыльные—всего до 15 человек.

Труднее поддается учету и личное влияние, оказанное на местное население политической ссылкой. Оно сказалось в «тлетворных» идеях, зародившихся в головах не одного десятка сургутских жителей, в утрате группой сургутской молодежи бывшего почтения и трепета перед царской властью, в новых революционных песнях, распевавшихся молодежью и постепенно вошедших с тех пор в ее репертуар.

Уже в 80-х годах из среды сургутской крестьянской молодежи составила группа в несколько человек, вошедших с ссыльными революционерами в тесное соприкосновение и идейное сродство. Было бы преувеличением сказать, что эта молодежь целиком восприняла от ссыльных—восьмидесятков их политическую веру и тем более их социалистические взгляды, но она сочувственно прислушивалась к их проповеди и незаметно заражалась от них духом критики и протеста. Из числа «неблагонадежных» сургутян особенно выделялись в 80-х годах следующие лица: А. Я. Баталли, Е. И. Буканин, П. Л. Вергунов, И. Ф. Кайдалов, Л. П. Кушников и М. К. Кондаков. Двое из перечисленных лиц—И. Ф. Кайдалов и Л. П. Кушников—оказали в 88 году активное содействие побегу Лебедева и Лазаревича—оставшись необнаруженными полицией. Пострадал только один А. Я. Баталли, отсидевший 2 месяца под арестом и освобожденный под гласный надзор полиции, хотя непосредственного участия в подготовке побега он не принимал.

В настоящее время ни одного из этих сургутян-«вольнодумцев» не осталось в живых. Последним из них умер летом прошлого года А. Я. Баталли.

Чтобы покончить с народническим периодом сургутской политической ссылки, укажем еще на одну область, в которой сур-

гутьяне оказались учениками ссыльных. К концу 90-х г.г. все виды ремесла оказались в Сургуте представленными исключительно политическими ссыльными. Среди них оказалось немало искусных и опытных ремесленников — кузнецов, сапожников и столяров. В кузнице работали В. Я. Мрачковский, А. Н. Аверкиев, Гомалицкий и А. Н. Лебедев. Сапожным делом занялись Семен, Аганов, Рудницкий, отчасти Петровский. Хороший столяр выработался уже в Сургуте из Льва Иванова.

Кое-кто из сургутян перенял от ссыльных их знашие ремесла. Так, напр., лучший сургутский столяр И. Ф. Кайдалов своим искусством обязан, говорят, Льву Иванову, который был оди-паково неутомим и в деле пропаганды, и в работе, и в обучении ремеслу.

Переходим теперь к последующим периодам сургутской политической ссылки.

Во вторую половину 90-х и в первую половину 900-х. г. г. Сургут перестал быть местом водворения ссыльных. Возобновляется ссылка в этом маленьком городишке только в 1906 году, после подавления московского вооруженного восстания. Со всех концов покоренной, но не примирившейся революционной России в Сургут, как и в другие пункты Тобольского Севера, свозили представителей всех политических партий, участвовавших в революции и — на ряду с ними — большое количество беспартийных. Это была эпоха массовой политической ссылки. Среди невольных пришельцев из-за Урала большинство принадлежало к случайно захваченным революцией протестантам. На короткое время они примкнули к политическим партиям, а затем так же быстро вернулись в политическое небытие. Активные политические работники среди новых ссыльных были в меньшинстве. Подавляющее большинство ссыльных составляли безвестные рабочие, крестьяне, приказчики, учителя, студенты и ремесленники. Окончив свои сроки, они вернулись к привычной трудовой жизни, не оставив в Сургуте никаких следов своего короткого пребывания. Можно указать только на двух человек из числа ссыльных этого периода, которые близко сошлись с местным населением, годы изгнания которых не прошли бесследно для здешних мест. Это были текстильный рабочий Муценек и слесарь Тиборт. Во время массового развоза из Сургута политссыльных, после убийства шшиона Григоренко, оба они попали за 500 верст от города, в дикий Ваховский край, в настоящее время отошедший от Сургутского района к Томскому округу. Водворенные в с. Ларьяк, в единственный пункт края, где имелись избы русских посельщиков, т.т. Муценек и Тиборт не пали духом. Через короткое время Тиборт открыл кузницу и научил остяков простейшим кузнечным работам. Муценек занялся сельским хозяйством, и, подражая ему, здешние

жители также стали заводить огороды, сажали картофель и т. д. Уже по окончании срока ссылки, в 1915 году, тот же Муцевек организовал в Ларьяке потребительное общество.

Более заметный культурный след оставил по себе последний предреволюционный период сургутской ссылки. Его начало относится к февралю 1912 года, когда в опустевший от ссыльных Сургут пришел первый, после большого перерыва, этап. Он доставил сюда восемь новых ссыльных—исключительно рабочих. И характерно: до самой амнистии 1917 года пролетарский характер сургутской политической ссылки сохранился неизменным, так как и последующие этапы,— правда, весьма немногочисленные и немногочисленные,— доставляли сюда почти исключительно рабочих. Два-три исключения только подчеркивали пролетарскую физиономию последней сургутской ссылки.

В это последнее перед революцией пятилетие в Сургутском крае появились первые кооперативы, и все они были организованы политическими ссыльными. «Отцом» местной кооперации является потреб. о-во «Север», основанное в самом Сургуте в феврале 1914 года. Его организатором явились политические ссыльные Ю. П. Горская (учительница) и Т. И. Миронов (столяр). Миронов же был избран и первым председателем правления. Это стало возможным потому, что к 1914 году он уже окончил свой срок, и формальных препятствий к его избранию уже не было. Горская же, как поднадзорная, принимала участие в организации и работе о-ва только со стороны, хотя именно ее инициативе, главным образом, нужно приписать появление в Сургуте первой ячейки кооперации.

В том же 1914 году, летом, в Сургуте появился и еще один кооператив—кредитное товарищество. В числе его организаторов также оказалось двое политссыльных—уже упомянутый выше Т. И. Миронов и т. Муратов (интеллигент).

Наконец, в 1917 г. в с. Александровском, на Оби, бывшим политическим ссыльным Ч. А. Герватовским был открыт еще один кооператив—потребительское общество «Прогресс». О потреб. об-ве в с. Ларьяке мы уже говорили.

Таким образом, начиная с 80-х годов, не прекращалось культурное воздействие ссылки на местное население. В зависимости от эпохи менялся только характер влияния. Вполне понятно, что в захолустном Сургуте 80-х г.г. не было еще предпосылок для насаждения кооперации. Поэтому энергия политссыльных, ища выхода, направилась тогда, главным образом, в область этнографии, фольклора и археологии, а также на изучение экономики края. Наоборот, в последний период существования политической ссылки научные интересы должны были уступить место практической злобе дня. Перед войной и до Сургута дока-

тилась волна кооперации, и именно сюда было направлено внимание ссылок. Если бы не политесылыные, Сургутский край не скоро еще примкнул бы к кооперативному движению.

Трудно уловимые, но вполне реальные результаты имели неустанная политическая пропаганда и агитация ссыльных. Она не носила характера систематически организованной работы ссыльных, направленной к вербовке своих сторонников для борьбы. Но ссыльные пользовались каждым случаем, чтобы на конкретной злобе дня показать местному населению, чем их внимание вопроса отличается от традиционного его разрешения в духе «веры, царя и отечества».

Наконец, вне зависимости от эпохи, не пропагандой, а и о к а з о м, политические ссыльные изо дня в день передавали местному населению усвоенные ими навыки и приемы труда.

В общей совокупности, культурное наследие, оставленное революционной политической ссылкой, является тем живым источником, откуда еще долго будут черпать опыт, знания и сплывшие культурные работники.

В заключение—несколько слов о судьбе могилы зачинателя сургутской ссылки—А. И. Шакирева.

Как умерший «без покаяния», Шакирев был похоронен вне ограды сургутского кладбища, но затем кладбище разрослось и включило в себя и могилу умершего декабриста. Однако, никто в Сургуте не знает не только места погребения первого политического ссыльного, но и самого имени его. В 80-х годах жил в Сургуте глубокий старик Вершинин, разорившийся купец. Он не только сам знал могилу Шакирева, но указал ее место С. П. Швецову, около полувека тому назад отбывавшему в Сургуте ссылку. По словам С. П. Швецова, даже в его время могилу Шакирева едва можно было отличить среди соседних могильных холмов—так она опустилась и в таком пренебрежении она была. А затем прошли над ней новые десятилетия, и могила бесследно исчезла для всех, кто хотел бы почтить память погибшего в ссылке декабриста. Все попытки отыскать эту могилу, предпринятые уже в 1927 году автором этих строк, ни к чему не привели.

Сколько еще таких безвестных могил зачинателей революции рассеяно по Сибири и по Уралу?

